

Невероятная история индийца, который поехал из Индии в Европу за любовью

Автор:

[Пер Андерссон](#)

Невероятная история индийца, который поехал из Индии в Европу за любовью

Пер Дж. Андерссон

Travel Story. Книги для отдыха

Пикей, бедный художник, родился в семье неприкасаемых в маленькой деревне на востоке Индии. С самого детства он знал, что его ждет необычная судьба, голос оракула навсегда врезался в его память: «Ты женишься на девушке не из нашей деревни и даже не из нашей страны; она будет музыкантом, у нее будут собственные джунгли, рождена она под знаком Быка».

Это удивительная история о том, как молодой индийский художник, вооруженный лишь горсткой кисточек и верой в пророчество, сел на подержанный велосипед и пересек всю Азию и Европу, чтобы найти женщину, которую любит.

Пер Андерссон

Невероятная история индийца, который поехал из Индии в Европу за любовью

Per J. Andersson

NEW DELHI – BOR?S

© Per J Andersson, 2013, First published by Bokförlaget Forum, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Андриевская А. В., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пророчество

С того самого дня, как я родился в деревне в джунглях, моя жизнь была предопределена. Это случилось зимой, незадолго до Нового года – праздника англичан, который все равно отмечался, хотя они и покинули страну за два года до этого. Обычно в это время дождя не было, но в том году северо-восточный муссон дольше задержался над побережьем Ориссы. Но, наконец, дождь прекратился, хотя тучи все еще скрывали поросшие лесом холмы на правом и левом берегах реки, и казалось, что уже начинает смеркаться, несмотря на то что была первая половина дня. Однако потом выглянуло солнце и осветило темноту. В люльке в одной из хижин в маленькой деревне лежал я, главный герой этой истории, все еще безымянный. Я только что родился, и моя семья стояла, собравшись вокруг, и разглядывала меня с любопытством. Деревенский астролог тоже был там и, осмотрев меня, вычислил, что я родился под знаком Козерога и в тот же день, что и христианский пророк.

– Там, – сказал один из моих братьев, – вы видите? – Что?

– Там, над малышом! – Все уставились на радугу, видневшуюся за окном сквозь падающие лучи солнца. Астролог знал, что это означает.

Когда он вырастет, он будет работать с цветом и формой.

Очень скоро по деревне пошел слух. Радужный ребенок, говорил один. Большая душа, Махатма родился, сказал второй. Примерно неделю спустя в хижину заползла кобра. Она поднялась над люлькой, в которой мирно спал я, ничего не подозревающий об опасности, и вытянула свою мускулистую шею. Увидев змею, мать поначалу подумала, что та укусила меня и я уже мертв. Пока змея выползала из хижины, мама подбежала к люльке и обнаружила: я жив! Я спокойно лежал, разглядывая свои пальчики, и смотрел своими темными глазами в никуда. Чудо! Заклинатели змей в деревне объяснили, что кобра специально пришла в хижину и расправила свой капюшон, чтобы защитить меня от дождя, который капал прямо на мою люльку через дырку в потолке. В последние дни шел такой сильный дождь, что вода проделала дырку в крыше хижины. Защищающее поведение змеи было божественным знаком людям. Астролог согласно кивал, когда заклинатели змей закончили свое объяснение. Так и есть, подтвердил он. Здесь нечего объяснять. Я не был обычным ребенком. Последнее слово осталось за астрологом. Его задачей осталось записать, что может произойти в моей жизни. Отточенным деревянным карандашом он нацарапал на пальмовом листе: «Он женится на девушке не из нашего племени, не из нашей деревни, не из нашего района, не из нашей провинции, не из нашего региона и не из нашей страны».

Здесь нечего объяснять.

Я не был обычным ребенком.

«Ты не должен ее искать, она сама найдет тебя», – сказал астролог и посмотрел мне прямо в глаза. Мама и папа сначала не могли увидеть, что нацарапал астролог на листе. Им пришлось держать лист над пламенем масляной лампы в натертом маслом латунном подсвечнике, а образовавшаяся сажа попадала в насечки толстого пористого листа. Тогда отчетливо проступал текст. Астрологу не нужно было больше ничего рассказывать, ведь они сами могли прочитать: «Твоя будущая жена будет музыкальной, будет владеть джунглями и будет рождена под знаком Тельца» – было написано круглыми витыми буквами на языке ория[1 - Ория – индоевропейский язык, на котором говорят около 35 миллионов жителей индийского штата Орисса. Он является одним из 23 официально признанных языков Индии и имеет собственное письмо. (Здесь и далее примечания редактора.)].

С того дня, когда я начал понимать, о чем говорят взрослые, пальмовый лист с пророчеством и рассказом о радуге и кобре относился к моей жизни. Все были убеждены, что мое будущее уже определено. Я был единственным, кто получил такое предсказание. По звездам можно определить будущее каждого ребенка – по часу, в который он родился. Мои родители верили в это, я верил в это, когда я вырос, и в некотором смысле верю в это до сих пор.

Его полное имя звучит как Ягат Ананда Прадьюмна Кумар Маханандиа. В этом имени заключено много радости. Ягат Ананда обозначает общую радость, и Маханандиа означает большую радость. Вообще, неправда, что это его полное имя. Оно еще длиннее. Если посчитать все имена, которые он получил от бабушек и дедушек со всех сторон, от племени и от касты, то получится огромный крысиный хвост имен, насчитывающий в общей сложности 373 буквы. Но кто же может запомнить 373 буквы? Для простоты его друзья ограничивались только двумя буквами. Инициалами П (для Прадьюмна) и К (для Кумар). Очень просто: ПК. Или Пикей, если использовать английское произношение.

Однако семья называла его совсем другими именами, наблюдая, как малыш быстро бегаёт по деревенским дорогам и высоко карабкается на манговые деревья. Отец называл его «поа», что означает «мальчик», бабушки и дедушки называли его «нати» – «внук», а мама звала его «суна поа», «золотой мальчик», поскольку кожа малыша была светлее, чем кожа его братьев и сестер. Его первое воспоминание о деревне на краю джунглей относится к тому времени, когда ему было три года. Хотя, может быть, уже четыре. Или лишь два. С возрастом это стало не так уж и важно. Никто не беспокоится о датах рождения. Если спросить жителя деревни, сколько ему лет, никогда не получишь внятного ответа. Сначала человеку примерно десять, потом около сорока, потом почти семьдесят, или еще проще – он молод, средних лет или очень стар.

Пикей очень плохо помнит, как он стоял в доме с толстыми стенами из светлорычневой глины и крышей из желтой травы. Позже картинки стали четче. Вокруг располагались кукурузные поля с их пыльной ботвой, которая шелестит в вечернем бризе, и группы деревьев с толстыми листьями, так красиво цветущие зимой, а в начале года дающие сладкие плоды. Еще там была маленькая река, впадавшая в большую реку. На другом берегу реки возвышалась стена из листьев и веток. Там начинались джунгли. Оттуда иногда доносился рев дикого слона, рычание пантеры или тигра. Еще чаще можно было увидеть следы диких зверей, слоновий помет и отпечатки тигриных лап, а также услышать звонко

жужжащих насекомых и поющих птиц. Поляна была горизонтом Пикея, но его мир простирался за пределы горизонта, в лес. Там мир заканчивался. Деревня и лес. Ничего другого не было. Лес был бесконечным, мистическим, таинственным и одновременно знакомым и близким. Он был в равной степени приключением и данностью. О городе до этого он только слышал рассказы, но никогда не видел. В доме кроме него жили его мама и два старших брата. И, конечно, еще бабушка и дедушка по папиной линии. Так было заведено почти во всех семьях. Согласно традиции, старший сын продолжал жить в доме своих родителей, даже когда женится и заведет собственную семью. Шридхар, его отец, тоже соблюдал эту традицию.

Однако он видел Шридхара нечасто. Отец работал начальником почтового отделения в Атолике, ближайшем большом населенном пункте с базаром, чайной и тюрьмой. Поскольку город находился слишком далеко, чтобы ездить туда-сюда на велосипеде каждый день, отец оборудовал для себя комнату на почте. Там он ночевал среди недели. Однако каждый субботний вечер отец вместе с двумя старшими братьями Пикея, которые учились в школе-интернате в Атолике, приезжали домой, к семье. Пикею казалось, что он единственный ребенок в семье. От матери он получал много внимания. Большую часть недели они проводили вдвоем в доме бабушки и дедушки. Деревня находилась на солнечной поляне на окраине леса, который был таким плотным, что свет почти не проникал до земли. Большинство домов выглядели одинаково: круглые и угловые хижины из коричневой высушенной глины с серыми крышами из пальмовых листьев и бамбуковыми ограждениями для коров и коз. Рядом с оградами были разбиты огороды и лежали копны сена для животных. Кроме глиняных хижин в деревне стояла еще пара построенных британцами из сострадания к неприкасаемым кирпичных домов. Однако в эти дома так никто и не успел заехать, они подгнили во время муссонного дождя и стояли теперь бесполезные и покинутые, с провалившимися крышами. Еще в деревне были начальная школа и дом для собраний деревенского совета.

Мать Пикея обычно говорила, что они живут в самом большом лесу Индии и Кондпода – самая старая лесная деревня. Деревня, говорила она, не была домом ни для живых, ни для мертвых. Внизу, на реке, образовалась ложбина, канава в песке, ее использовали как место кремации. Калабати говорила, что примерно в полночь там собирались души умерших, чтобы петь и танцевать. В реке был водоворот, в котором пару лет назад утонули две только что вышедшие замуж беременные женщины. Она видела лежащие на берегу трупы с ярко светящимися красными точками на лбу и решила, что точки так красиво светятся потому, что женщины вели чистую, неприкосновенную и

целомудренную жизнь. Их глаза были широко открыты, как будто они еще что-то искали. Их рты также были широко открыты, как будто они до самого конца звали о помощи. В действительности, говорила она, у мертвых женщин так широко были открыты рты потому, что души покидали их через рот и забыли закрыть за собой дверь. Вечером, лежа рядом с сыном на соломенной циновке, она рассказывала ему о душах умерших людей, о богах, богинях и черной магии. Браслеты на руках и ногах матери издавали звенящие, таинственные звуки. Пикей содрогался от ужаса, со стучащим сердцем задерживал дыхание. Он внимательно прислушивался: в темноте приближались духи, стоная и тяжело дыша. Успокаивался только потому, что чувствовал теплое тело матери. Когда она поняла, что испугала сына, то нежно обняла его. От счастья послеобеденной игры в лесу, через страх долины мертвых до маминой утешающей руки... С этими эмоциями он заснул. У самой Калабати не было страха перед мертвыми. Она верила, что злые духи будут соблюдать дистанцию, чувствуя здоровую самоуверенность. Она ей обладала. Только тот, кто сомневается в себе, может подпасть под власть мертвых.

- Пока я смелая, никто не сможет мне навредить, даже мертвые, - говорила она.

Перед тем как Пикей пошел в школу, он не знал, что такое каста. Никто не рассказывал ему о том, что люди делятся на четыре главные касты и тысячи нижних каст. Он ничего не знал о многотысячелетнем собрании песен, в котором описано возникновение четырех каст. Он не имел никакого понятия о мистических первобытных существах - пурушах, делящихся на четыре категории. Он не знал тогда, что брахманы, священники, «вышли» изо рта пуруш, кшатрии, каста воинов, была создана из их рук, вайшьи, торговцы, ремесленники и крестьяне, - из бедер, а шудры, рабочие и поденные рабочие, - из ног. Мало слышал он и о высокого роста светлокожих индоарийцах, степном народе, который 3500 лет назад приехал из Центральной Азии на лошадях. Они научили лесной народ на индийском полуострове земледелию, а сами стали священниками, солдатами и правителями и образовали высшую касту. Ничего не представлял он и о темнокожем лесном народе, который стал низшей группой - крестьянами, ремесленниками или слугами, так же как семья отца Пикей, или об охотниках, которые остались в лесу и стали называться коренным народом, как его родственники по материнской линии. Когда Пикей вырос, он решил, что кастовая система почти не отличается от европейской феодальной системы и сословного общества. «Это не очень трудно понять», - говорил он обычно, когда люди с Запада жаловались, что они не понимают.

«Пока я смелая, никто не сможет мне навредить, даже мертвые».

«О'кей, может быть, немного сложно», – добавлял он иногда. И рассказывал, как появилась группа, которая называется джати («рождаться»), и как она функционировала. Все джати – это подгруппы к четырем основным группам, которые обозначают четыре варны – слово на санскрите, что значит «цвет». Четыре варны – это то же самое, что и четыре основные касты, которые были описаны в старых индуистских книгах. – Есть только четыре варны, но миллионы джати, – рассказывал Пикей.

– Миллионы джати? Как же все они отличались? – спрашивали друзья с Запада, и когда Пикей отвечал, что у них это совсем не получалось, они меняли тему разговора и начинали говорить о чем-то другом. Его собственная семья не принадлежала ни к одной из каст, они были «неприкасаемыми», или «далит», он мог входить только тогда, когда кто-то открывал дверь. Это не было предметом для гордости. Но все же жизнь Пикей никогда бы не стала такой, какая она есть, если бы он не относился к неприкасаемым.

Отец нации, Махатма Ганди, хотел повысить статус неприкасаемых и назвал их «детьми Бога». Пикей считал эту формулировку прекрасной. Ганди всегда хотел самого лучшего и дал им прекрасное имя, которое могло бы облегчить ситуацию. С тех пор как индусы освободились от британцев, власти классифицировали неприкасаемых как scheduled castes[2 - Неприкасаемые касты.] и предоставили им билеты на поезд со скидкой и разные льготы, чтобы они могли легче поступать в университеты и участвовать в выборах. Эти перемены были призваны улучшить низкий статус тех, кто не относится ни к какой касте. Принятые законы могли положить конец многовековой дискриминации и помочь в борьбе с несправедливостью. Ведь нужно жить так, как велят законы. Однако древние предрассудки и ценности находились в головах людей еще так глубоко, как слои первичных горных пород. Перемены должны исходить от людей, от их сердец, вывел Пикей.

С двенадцатого года жизни Лотта хотела в Индию. Она прекрасно помнит об этом до сих пор. В седьмом классе показывали фильм о Ганге: кинопроектор гудел, и солнце всходило над рекой... Она помнила дребезжащие в колонках звуки ситара[3 - Ситар – многострунный музыкальный инструмент, используемый для исполнения индийской классической музыки, относящийся к группе

струнных щипковых музыкальных инструментов.], звон колоколов, доносившийся из храма, и паломников, спускавшихся по лестницам в реку, пока вода не доходила им до пояса. Лотта часто думала о том, что этот черно-белый фильм стал ее первым контактом с Индией. Фильм о Ганге волновал ее больше, чем все, что она изучала в школе. После этого фильма все свои сочинения она писала под этим впечатлением. Она написала длинный и проникновенный текст. Однажды она отправится туда, думала Лотта. Она хотела стать археологом. Она любила копаться в земле и искать вещи. Она мечтала о сенсационных находках и о том, как распутает клубок истории. В школе она по собственной инициативе нарисовала большую картину египетских пирамид и читала о британском археологе Говарде Картере, открывшем гробницу Тутанхамона. Проклятие, с которым столкнулся Картер, завораживало ее. У нее щекотало в животе, когда она читала, что 21 сотрудник, участвовавший в раскопках, умер неестественной смертью. Такие загадки Лотта хотела исследовать. Подростком она стала посещать библиотеку, чтобы брать там книги об НЛО, а потом отправилась в путешествие в Гётеборг, чтобы послушать там доклады о жизни на других планетах во Вселенной. Она подписалась на газету об НЛО и прочитывала каждый номер от корки до корки, горячо убежденная в том, что жители Земли не одни во Вселенной. Одновременно она мечтала о жизни, которой жили раньше. Она представляла, что родилась в XVI веке и ее семья живет в хижине в лесу. Жизнь без удобств и технических устройств. Все было просто и рядом с природой.

Его мама была единственной, кто понимал, кем маленький Пикей являлся на самом деле. Ее звали Калабати, у нее были темно-синие полосатые татуировки на лице, золотое сердце в носу и золотые месяцы в ушах. Единственное, что осталось от нее сейчас, – это латунный подсвечник в форме слона. Теперь это его любимый подсвечник. Пикей всегда думает о матери, когда смотрит на подсвечник, стоящий сейчас на каминном карнизе в желтом доме в лесу.

В деревне ей, как правило, доставалось задание рисовать магические фигуры на стенах домов по случаю ежегодных праздников. У нее был художественный взгляд и золотые руки. Ее работы были очень востребованы, даже среди брахманов. Если приближался праздник, она вставала рано, обмазывала коричневые глиняные стены хижины коровьим навозом и начинала их украшать. Заканчивая работу в доме у одной семьи, она сразу же принималась за работу в соседском доме. За день до праздника Калабати ходила с рассвета до заката от дома к дому и рисовала людей с тонкими ногами и руками, вьющиеся растения и

цветы с тонкими листьями. Белый цвет, которым она рисовала на терракотово-красных глиняных стенах, она сделала сама из рисовой муки и воды.

В первом бледно-желтом утреннем свете в день праздника на всех деревенских хижинах можно было увидеть прекрасный орнамент. Все это сотворила Калабати. Пикей смотрел, как мать рисовала на стенах, и спрашивал себя, почему она никогда не рисует на бумаге.

Калабати родилась в племени Кутия Кондх (Kutia Kondh).

Наш коренной народ – потомки темных лесных людей, которые так долго, как только можно представить, жили здесь, пока не пришел степной народ, не вырубил лес и не начал возделывать пшеницу и рис, – рассказывала она Пикей. – Со степным народом, крестьянами, пришли война и болезни. Степной народ разделял людей на более ценных и менее ценных. До появления степных индусов мы не отличали один народ от другого. В то время не было человека, который жил в больших лесах более достойно, чем мы.

Мать была единственным человеком, которого он действительно знал. Остальная семья была ему почти чужой. Когда отец и братья приезжали субботним вечером из города, чтобы провести свободное воскресенье дома в деревне, у него возникало смешанное чувство. Отец ставил свой велосипед у стены дома и поднимал его вверх, а он начинал плакать от страха. «Не плачь же, посмотри, твой папа приехал со сладостями для тебя», – пыталась успокоить его Калабати. Тогда он умолкал, крепко сжимал зубы, брал, всхлипывая, сладкие хрустящие бурфи[4 - Бурфи – это индийская сладость, которая представляет собой молочную помадку.], воздушные и влажные гулабджамун[5 - Гулабджамун – традиционное блюдо индийской кулинарии. Сладкие шарики из сухого молока в сиропе.] или тягучую английскую карамель из руки отца и сползал к матери на колени.

Каждое утро Калабати купала его в реке Кондподе. Иногда они спускались вниз к большому водовороту. Там пахло дикими цветами, растущими на берегу, и круглыми лепешками из коровьего навоза, которые сохли на освещенном солнцем склоне. Мать предупреждала, что нужно быть осторожным и не заплывать далеко, вытирала его спину кончиком сари и натирала все его тело кокосовым маслом так, что он сверкал на солнце.

Потом Пикей забирался на камень, гладкий от бурной воды, нырял, плавал и снова забирался на камень. Он мог это делать целую вечность. Он никогда не замерзал и никогда не простужался, поскольку толстый слой масла на его коже заставлял воду стекать каплями и поддерживал его тело в тепле так долго, пока солнце стояло высоко на небе. Летом, незадолго до сезона дождей, ручей и река почти пересыхали. Плотина Хираку, которую построили для заплыва на каное, забрала у реки Маханди большие массы воды. В начале июня там, где было русло реки, тек лишь маленький ручеек. Нехватка воды была бичом для жителей деревни. Когда они в обмен на это получали электричество, страдания, по крайней мере, обретали смысл, но электричество, которое производилось на гидроэлектростанции, использовалось совсем в другом месте. В вечерних сумерках все еще потрескивал костер и пылали масляные лампы. Когда река и ручей почти высыхали, Калабати с другими жительницами деревни в больших песчаных дюнах копала временные колодцы. В ямки глубиной в один метр со всех сторон стекала вода. Воду до дома Калабати носила в помятых, погнутых жестяных ведрах. Одно ведро на голове и по одному – в каждой руке.

Священники говорили, что неприкасаемые оскверняли все, что было чистым и святым. Когда Пикей приближался к деревенскому храму, его всегда закидывали камнями. Однажды (в тот год Пикей как раз пошел в первый класс) он спрятался в листве, готовый отомстить за всё. Когда начался ритуал и священники принесли наполненные глиняные кувшины, он вытащил рогатку, собрал камни с земли, зарядил и выстрелил. Пиф! Паф! Вода медленно начала просачиваться из разбившегося кувшина. Священники обнаружили мальчика и погнались за ним через всю деревню. «Мы тебя убьем!» – кричали они. Он спрятался в кустарнике из кактусов. Иголки нещадно вонзались в его тело, и он думал, что даже растения стремятся причинить ему боль. Спустя некоторое время он, окровавленный, отправился домой, чтобы мама его утешила. Мать гладила его по спине и мягко говорила о мире. Даже зная, что неприкасаемые и коренной народ враждебны друг другу, Пикей не знал, почему брахманы пришли в ярость из-за него. Он не понимал, почему он должен держаться подальше от храма, и у него не было объяснения, почему в него бросали камни. Все это лишь причиняло ему боль. Мать скрывала от него правду и приправляла свои утешения приукрашенными аргументами.

Когда дети из высшей касты случайно касались Пикей, они быстро бежали мыться в реке. «Почему они это делают?» – спрашивал он. «Потому что они грязные и неплохо, если они лишний раз помоются», – отвечала мать. «Им

действительно нужна ванна! Фу, какие они были грязные!» – повторяла она до тех пор, пока его тревога не исчезала.

Калабати не имела права ходить в школу, она не умела ни писать, ни читать. Но она знала много других вещей. Она могла создавать собственные цвета, рисовать красивые орнаменты и смешивать листья, семена и корни растений для природной медицины. Ее жизнь состояла из ежедневных обязанностей. Каждый день работы выполнялись по заведенному распорядку. Она вставала затемно. Ее будильниками были кукарекающие петухи, а часами – положение утренней звезды на небосводе. Пикей еще оставался лежать на своей соломенной циновке на полу и слышал, как она моет пол, веранду и двор смесью воды и коровьего навоза. Ему казалось странным, что она использует коровьи какашки, чтобы навести чистоту, и это долгое время оставалось одной из загадок жизни, до тех пор, пока мать не объяснила ему, что это намного более действенное чистящее средство, чем белый химический порошок из деревенского магазина. Когда Калабати заканчивала убирать дом, то собиралась в путь, чтобы ухаживать за кукурузным полем семьи, а затем купаться в реке. Вернувшись, она стояла в своем темно-синем сари на свежeweымытой веранде. Ее мокрые кудрявые волосы сверкали на утреннем солнце, когда она потихоньку выжимала хлопковой тряпкой воду из длинных прядей волос. Затем куст туласи[б - Туласи (тулси) – это растение, которое в Индии называют священным базиликом, которое даже сейчас в том или ином виде находится в каждом доме, поскольку Туласи-деви символизирует божество, означающее преданность и чистоту. Само растение посвящается божеству Вишну и является его проявлением.] с благоухающими зелено-лиловыми цветами получал воду под пение мантры. После она шла в кухонный угол, окунала указательный палец в тяжелую каменную миску с красной киноварью, нажимала пальцем посередине лба и смотрелась в треснувшее зеркало. Наклонившись вперед, она рисовала себе толстые линии-подводки вокруг глаз. Подводку Калабати делала сама из смеси сажи и гхи, топленого концентрированного масла.

Когда мать была готова, Пикей вставал, сворачивал циновку и получал точку из черной подводки посередине лба, она защищала его от злых сил, говорила Калабати. Кроме того, он получал немного гхи на лоб. Снаружи, на солнце, масло таяло и текло на лицо. Масло было способом показать остальной деревне, что их семья не была бедной. «Не все могут позволить себе масло и молоко, – говорила Калабати. – Но мы можем». Только посмотрите, у семьи Маханандиа так много масла, что оно течет со лба ребенка – так, надеялась она, будут думать жители деревни. Чистое тело, расчесанные волосы, подводка и масло на лбу – Пикей был готов встретить новый день.

Коренной народ, к которому относилась его мать, охотился тысячи лет в джунглях и расселялся на полянах. Между тем большинство родственников Калабати уже давно не охотились, они собирали глину со дна русла реки, лепили и обжигали кирпичи. Только брат матери все еще промышлял охотой. Пикей получил от него в подарок перо павлина и привязал его веревкой вокруг головы, чтобы красться по лесу и играть в охотников. У Пикея были длинные заплетенные волосы, и он был горд своими косами. Калабати отпустила ему волосы, поскольку в глубине души очень хотела девочку. Он охотно использовал косы, чтобы показать, как силен. Он привязывал камень к волосам, поднимал его волосами с земли и кричал торжествующе: «Теперь вы видите, какие у меня сильные волосы!»

Другие мальчики, у которых не было косичек, поражались. Они никогда не видели ничего подобного. Часто он ходил голый и носил браслеты или ремни, на которых висели белые ракушки. Все дети кутия кондх в деревне бегали голые. Кастовые индусы считали коренных жителей странными. Их собственные дети носили платья.

Калабати поклонялась солнцу и небу, обезьянам и коровам, павлинам, кобрам и слонам. Она поклонялась пахнущему лакрицей кусту туласи, священному фикусу и дереву ним[7 - Ним (ниим) – вечнозелёное дерево высотой 12–18 м с раскидистой кроной. В Индии растение известно как «деревенская аптека», «божественное дерево» и «панацея от всех болезней».], ветви которого из-за его антибактериального сока использовались в качестве зубных щеток. Для Калабати все божественное было безымянным. Бог был во всем, что можно было увидеть и что жило вокруг нее. Много раз в неделю она ходила в чашу, где деревья стояли так плотно друг к другу, что ветки и листья образовывали стены и крышу. Там она собирала камни, зеленую нехоженую траву, раскладывала немного масла и распыляла красный красящий порошок. В этом природном «храме» она молилась всему живому в лесу, и прежде всего деревьям, которые наравне с солнцем были высшими божествами.

Народ кондхи и другие племена в лесах Восточной Индии никогда не делили себя на касты и не делали различий между вождями и подданными. Все обладали равными правами поклоняться богам и касаться священных вещей. Но потом пришел степной народ. Калабати рассказывала Пикею, что они пришли с запада и стали возделывать долины и берега рек, при этом обращаясь с

лесными жителями, как с примитивными и нецивилизованными. «В конце концов мы были вынуждены подчиниться их кастовой системе», – сказала мама с тоской. Иногда лесные жители протестовали. Британцам приходилось посылать войска, чтобы восстановить порядок. Однако это все же была неравная борьба, в которой мятежники постоянно проигрывали. Когда Пикею исполнилось около десяти лет, он прочитал, что партизаны, которых называли наксалитами[8 - Наксалиты – неофициальное название вооруженных коммунистических, преимущественно маоистских, группировок в Индии. Название происходит от местности, где произошли первые выступления.], начали борьбу за права коренного населения – конфликт, который с годами только усиливался. Армия отвечала насилием на насилие, кровь текла, ненависть прорывалась, и газеты называли конфликт гражданской войной. Пикей не хотел перемен. Но он понимал, что многие из коренных братьев его матери потеряли всякую надежду, когда горные предприятия и промышленные производства в охоте за природными богатствами, не спрашивая, разрушили их священные холмы и вершины гор, деревья и кустарники. Сначала он думал, что насилие – это единственный ответ на насилие, но потом потерял свою ненависть. Каждый человек столь бесценен, что не заслуживает смерти, даже угнетатель и убийца. Пикею нравилось выражение Махатмы Ганди, что идеология «око за око» весь мир сделала слепым.

Это также относилось к его взгляду на философию войны и методы мятежей.

У семьи Маханандиа так много масла, что оно течет со лба ребенка.

До 1947 года, когда Индия была британской колонией, Атолик был одним из 565 индийских вице-королевств. Лилипутия, в которой к началу XX века насчитывалось только 40 000 жителей. Но она никогда не была «настоящей» землей: король оставался подчиненным британцев и должен был, когда Индия стала самостоятельной, отречься от престола, чтобы освободить место для современного государственного аппарата и демократически выбираемых политиков.

В Атолике всегда вспоминали о времени, когда правили короли. В семье Маханандиа об этой эпохе говорили с ностальгией. Началось с того, что дед Пикея получил почетное задание ловить в джунглях диких слонов и приручать их для использования при королевском дворе. С тех пор двор «присматривал» за

ловцом слонов, его детьми и внуками. Короли в Атомолике не спорили с британцами. Они соглашались с требованием их политического верховенства и торгового контроля и с благодарностью принимали предложение быть защищенными. Британцы вознаградили это доверие: в 1890 году их индийского наместника Махендра Део Саманта из раджей (короля или графа) возвели в ранг махараджи (большой король). Это повышение статуса явилось одновременно признанием его особенно хорошего правления в Атомолике. Когда в 1918 году умер король Бибхундендра, наследнику престола оказалось лишь 14 лет, в столь юном возрасте он не мог править. Британскому полковнику Кобдену Рэмзи пришлось временно занять королевский трон.

Рэмзи, которого подданные называли белым Раджой, правил вице-королевством Атомолик семь лет. Семь лет, которые дед Пикей называл самыми лучшими. «Рэмзи не был таким расистом, как другие англичане, – говорил дед. – И он не беспокоился о том, к какой касте относились индийцы». Дед имел обыкновение говорить, что англичане, в отличие от многих индийцев, хотели лучшего для общественного блага, и не только потому, что могли обогатиться сами. «Можешь мне назвать хоть одного брахмана, который думает о ком-то еще, кроме своей касты? – спрашивал он риторически. – Ты можешь мне назвать хоть одного брахмана, который что-то сделал для того, чтобы принести пользу низшим кастам? Нет, конечно! А британцы делали это все время. Они думали обо всех и не ущемляли нас, неприкасаемых». Король Атомолика не был сказочно богатым. В отличие от махараджей в Раджастане в Западной Индии, имеющих огромные дворцы и сотни слонов, охотничьи трофеи на стенах и ящики, полные бриллиантов. Атомолик не славился богатством, как махараджи, который владел 27 «Роллс-Ройсами», или как устроивший для своей дочери такую роскошную свадьбу, что она попала в Книгу рекордов Гиннеса как самая дорогая свадьба мира. А еще один решил провести свадьбу для своих собак и пригласил на нее 250 собачьих гостей. В инкрустированных драгоценными камнями пальто, на украшенных слонах встречали жениха, который приехал с процессией. Такого избытка не было в Лилипутском королевстве, в котором вырос Пикей.

Когда Пикей родился, большая часть дворца махараджей и правительственные здания были покинуты и разрушены. Заплесневевшие от муссонных ливней стены и провалившиеся крыши плотно увивали лианы и другие растения. Когда Индия стала самостоятельным государством, сын последнего правящего махараджи Атомолика покинул место, однако благодаря успеху в делах он смог переехать в государственную усадьбу. Там Пикей с семьей иногда бывал по приглашению на мимолетные беседы за чашкой чая. Будучи ребенком, он забредал туда и рассматривал фотографии колониального времени в сепии, на

них были изображены британцы в тропических шлемах и индийские короли и принцы в тюрбанах.

Отец Пикейя, его бабушка и дедушка, несмотря ни на что, верили в богов индуизма. Отец даже совершал дома индуистские ритуалы. Это делают не все неприкасаемые. Вероятно, Шридхар попал под влияние своих коллег с почтамта, которые принадлежали к более высокой касте. Он соорудил небольшой алтарь, на котором поставил изображения Лакшми, богини изобилия, и Ганеши, бога мудрости и благополучия, к которому обращались перед сложными испытаниями и вызовами в жизни. Также там стояла статуя Вишну, охранителя мироздания, окруженная курительными палочками и масляными лампами. В обволакивающих сладких благовониях и дыме от огня отец молился каждый день богам и просил у них для себя и своей семьи счастливой жизни. До тех пор пока брахман не видел, неприкасаемые также могли ходить в храм Шивы в деревне. Но все же никто из них не отваживался войти в глубь здания, где возвышалась фигура божества. Брахманы могли разгневаться, если бы это заметили. Деревенский храм был обиталищем змей, на которых никто не отваживался охотиться из страха, что может накликать беду. Пикейю хотелось, чтобы жители деревни относились дружелюбно к змеям и кормили их. В конце концов, ведь это кобра спасла его от дождя, когда он только родился. Змеи были дружески расположены к людям, в этом он был уверен. Священники каждый день приносили змеям еду, потому что верили, что этого хочет Шива. Заглянув в дверной проем, можно было увидеть в темноте металлически сверкающую кобру с раскрытым капюшоном, защищающую божество. Если кого-то кусала змея, его приносили к храму и клали на живот перед входом. Укушенный получал строгое предписание лежать смирно и думать о Шиве. Рано или поздно приходил ответ в форме телепатического сообщения от божества, и тогда происходило выздоровление. Это видел Пикейя собственными глазами. Однажды вечером его тетю укусила кобра. Она пошла к храму, легла на лестницу и молилась богу. Потом она отправилась домой и уснула. На следующее утро она встала с постели и рассказала семье, что она исцелилась. Все были уверены, что произошло чудо, которое вызвал Шива своей космической силой. Но Шива был способен на большее.

Другая тетя Пикейя уже была 12 лет замужем, но до сих пор не имела детей. Она пошла к храму, легла на лестницу, провела там 4 дня и ночи, во время которых медитировала, молилась Шиве, ничего не ела и не говорила. По возвращении домой она была настолько слабой и изможденной, что пришлось вести ее к столу и кормить рисом. Однако девять месяцев спустя она родила первенца.

Бог был не только в храме. В низине с кактусами на кукурузном поле жили Sat Devi, семь богинь, которые происходили от богов лесного народа, но сейчас также почитались индусами. Большинство людей оберегали и опасались богинь на кукурузном поле. Ведь они обладали большой силой. Если их не почитали, они могли причинить зло. Чтобы богини оставались дружелюбными, священники проводили церемонию во время сбора жителями деревни семян для будущего урожая. Когда один житель начал собирать семена до окончания священного ритуала, у него начались боли и поднялась температура, а затем мышцы ног атрофировались и ноги стали тонкими, как ветки. Он так больше никогда и не поправился, и ему пришлось до конца своей жизни ходить на костылях. Так могло случиться, когда кто-то сердил богинь.

На узкой дорожке, которая вела в деревню с востока, стояло могучее старое дерево. В нем жили летучие мыши и ночные птицы, но бабушка Пикейя не сомневалась, что в этом дереве также живут ведьмы. По ночам казалось, будто на дереве проходит птичья конференция: разные птицы всюду спорили о чем-то, а постоянно каркающие вороны были самыми усердными спикерами. Пикейя верил, что на самом деле вороны – это люди, которых черные маги превратили в птиц.

На краю деревни стояла деревянная вагонетка, ее использовали во время летнего фестиваля, чтобы проносить во время процессии черного, белого и желтого богов: Джаганнатху, владыку Вселенной, его брата Балараму и сестру Субхадру. Они были древними богами лесного народа, почитаемыми в семье матери Пикейя с незапамятных времен, однако индусы включили их в мир своих божеств. Джаганнатху индусы сделали одним из проявлений Вишну, в то время как буддисты часто видели в нем проявление Будды. Осенью наступало время очередного праздника богов. Чествовалась Дурга, жена Шивы. Священники приносили в жертву коз на холме перед деревней, земля пропитывалась их кровью. Кровь, говорили брахманы, придавала Дурге сил, чтобы бороться с демонами, угрожающими божественному порядку. Пикейя всегда удивляло, сколько у индусов богов, и он до конца не понимал, как они все относятся друг к другу. Однако он все же ощущал их реальность и не очень беспокоился о противоречиях. Став взрослым, он понял, что его родители имели неоднозначные права на божественных праздниках. Им разрешалось присутствовать в процессиях, но нельзя было касаться божественных фигур или деревянной вагонетки, на которой они провозились. Им разрешалось молиться, но не рядом с представителями высших каст и не в храме. Им разрешалось проводить ритуалы, но лучше в тени, так, чтобы брахманы этого не видели. Если бы священники ушли, неприкасаемые молились бы у себя дома и держались бы

на расстоянии от всего чистого и святого.

Есть множество телесериалов и голливудских фильмов о постоянных очагах конфликтов в больших индийских семьях: напряженные отношения между свекровью и снохой. Когда несколько поколений собирались под одной крышей, конечно, это могло приводить к ссорам. Мужчины были главными за пределами этих четырех стен, а дома право голоса имели женщины. Руководила всем своей железной рукой свекровь, но невестка приносила в дом привычки, унаследованные от матери. Как нужно резать хлеб чапати[9 - Чапа?ти - хлеб из пшеничной муки, наподобие тонкого лаваша.], как готовить карри из турецкого гороха, собирать кукурузу и воспитывать детей? Пикею было три года, и он был слишком мал, чтобы заметить, что происходит, но старшие братья рассказали ему, что мать поссорилась со свекровью. Калабати только что родила своего четвертого ребенка, девочку, ее назвали Прамодини и ей было всего три месяца. Однако новый малыш не помешал бабушке перейти в атаку. «Твоя высокочтимая жена - ведьма», - сказала она Шридхару. А потом она обратилась к Калабати. «Ты не можешь больше здесь жить. Ты приносишь нам несчастье». Взгляд Калабати омрачился, но она промолчала. Чего бы она добилась своим протестом? Это было само собой разумеющимся, и, вне всякого сомнения, слово бабушки было решающим.

Мать Пикея жила в доме родителей мужа. Единственным, кто мог бы заступиться за жену, был Шридхар, но он проглотил свой гнев, обиду и стыд и никак не отреагировал. В семье повисло молчание. Шридхар уехал на работу в город, так ничего и не сказав. Калабати обиженно молчала неделю, выполняя свою привычную работу. Через неделю, когда Шридхар вернулся обратно, Калабати подошла к свекрови и объявила об их решении. Не проронив ни единой слезинки и не выказав своих чувств, она объявила, что возвращается в дом к своим родителями. «И я заберу обоих детей». Свекровь сопротивлялась. «Девочку ты можешь забрать, это, в конце концов, еще младенец, но мальчик останется со мной». Калабати согласилась и с этим.

Пикей помнит, как он плакал, когда мать с мрачным выражением лица собирала свои вещи. Он помнит, как стоял со скрещенными на груди руками на веранде, и его щеки были влажные от слез, когда она взяла сумку и с маленькой сестрой на руках вышла в дверь и спустилась по лестнице. Он знал, что она еще много раз оглянется и посмотрит на него, что он помашет ей, а она ему в ответ. Он как

сейчас видит, как мать исчезла за зарослями сахарного тростника, и помнит, каким тихим и пустым внезапно стал мир. Мир, в котором не было больше матери и маленькой сестры.

«Твоя высокочтимая жена – ведьма».

Отец жил шесть дней в городе, а в доме были только бабушка и дедушка. Он плакал целыми днями, неделями, возможно, даже месяцами. Слезы текли и тогда, когда муссонные облака принесли на небо грозы, от которых светло-красные глиняные улицы становились пурпурными, а соломенные крыши начали пахнуть влагой и плесенью. Все превратилось в сплошной туман из дождя, слез и печали. Когда слезы прекратились, он онемел, замолчал. Он перестал разговаривать и смеяться, он даже не мог больше улыбаться. Он проводил дни с озлобленным выражением лица. Ни единого слова не вырывалось у него. Чаще всего он сидел один в своем уголке и смотрел в никуда. Потом он стал отказываться от еды. Когда бабушка что-то настойчиво предлагала ему, у него не было сил противиться, и приходилось есть, но рис и чечевичная каша потеряли для него всякий вкус.

В воскресенье на велосипеде приехал мужчина, доставивший послание от бабушки и дедушки Пикей по материнской линии. В нем они попросили передать, что Калабати чувствует себя не очень хорошо. Посыльный поведал, что она больше не может выполнять свою работу, а только сидит и плачет. Шридхар выслушал послание, не меняясь в лице. Затем он спокойно и молча проследовал в сад, где его мать работала на грядках, и отозвал ее в сторону за кукурузный куст. «Дальше так продолжаться не может!» – вскричал он и дал выход своему месяцами сдерживаемому гневу. Она молчала. «Ты на прямом пути к тому, чтобы свести мою жену с ума!» – продолжал он. Она все так же молчала. Что тут сказать? Она была слишком гордой, чтобы признать, что сделала что-то не так. И в глубине души была уверена в том, что всегда права. Она была стойкой и непреклонной и вела себя так, словно была воплощением разума и гармонии, в то время как остальной мир сходил с ума.

Когда отец Пикей неделю спустя вернулся с работы, он сообщил, что купил участок земли недалеко от почтамта в Атомолике. «Там, – сказал он, – мы будем жить вместе в нашем новом доме». – «Кто будет там жить?» – «Мы. Только мы». – «Мы будем жить в доме, где больше никого не будет?» – спросил Пикей, который

еще не слышал о тех, кто жил бы в доме без бабушки и дедушки. «Да. Это будет наш дом. Только наш», – ответил Шридхар.

Дождь промыл зеленые стебли сахарного тростника добела и превратил красную землю во дворе в вязкое месиво, по которому тяжело было идти коровам и людям. Велосипедные шины оставляли в земле глубокие следы, делая ее похожей на хаотичное поле битвы. Тучи поплыли по небу, и все погрузилось в темноту. Тучи заставляли жителей деревни думать, что уже больше времени, чем было на самом деле.

Отец поднял Пикей на телегу, которую везли два быка с лоснящимися шкурами. Над телегой возвышалась крыша из плетеного бамбука, а сзади стояла пара глиняных кувшинов с молоком от коровы бабушки и дедушки. Кучер кнутом хлестнул быков, и упряжка закричала по деревне. Отец и бабушка с дедушкой шли за повозкой и разговаривали, а Пикей сидел рядышком с матерью, на коленях которой лежала младшая сестра. Он не слышал, что говорил отец бабушке и дедушке, но надеялся, что он им объяснит, почему они не могут больше жить с ними и что они уезжают, чтобы мама могла вновь обрести радость. Через несколько минут повозка остановилась возле дерева ведьм и храма Шивы на краю деревни. Пикей посмотрел назад и увидел, как отец встал на колени перед бабушкой, приложился лбом к земле и дотронулся кончиками пальцев до ее ног. Пошел дождь, он намочил седые бабушкины волосы и желтое сари. По ее щекам тек дождь, а не слезы.

Повозка загромыкала дальше по узкой дороге среди полей. Пикей вновь обернулся на деревню, становившуюся все меньше. Спустя некоторое время он уже не мог различить ни дома, ни храм, ни кукурузные поля – над полями расстелился туман, поглотивший все. Бабушка осталась дрожащим желтым пятном на сером фоне. Потом и она растворилась в непогоде и сумерках. Он положил голову на бедро матери. Она прикрыла его голое тело тонкой, мягкой хлопчатобумажной тканью. Повозка продолжала двигаться по дороге, ведущей лесными полянами, мимо наполненных водой рисовых полей и по узким деревянным мостикам над бурными ручьями и реками. Тучи сделали вечер черным, как смола. Он всматривался в темноту, ничего не видя, но жадно ловя каждый звук. То были скрипящие колеса повозки и хорошо знакомые звуки леса: кваканье лягушек, стрекот сверчков и лай лис. Он чувствовал тепло мягкого бедра матери, ритм ее спокойного дыхания.

По ее щекам тек дождь, а не слезы.

Повозка достигла цели, он проснулся – мать гладила его по лбу. Его словно парализовало от усталости, и кучеру пришлось помочь вылезти мальчику из повозки. Пикей долго вглядывался в темноту, но ничего не мог разглядеть. Где его новый дом? Когда отец зажег масляную лампу, очертания нового дома проступили из темноты. Тогда он увидел, что щекотало ему ноги: он стоял на высокой зеленой траве. «Как это называется?» – спросил он. «Липтинга Сахи, – ответила его мать. – Он находится неподалеку от Атомолика, рядом с папиной работой и школой, куда ходят твои братья». Отец исчез в темноте, чтобы взять немного еды на кухне школы-интерната, и вернулся с полными жестяными банками. Потом они сидели на земле в новой хижине и ели свою первую еду в новой деревне, вдалеке от дедушки и бабушки. Внезапно существование озарилось новым светом, подумал Пикей и стал наблюдать за насекомыми, которые слетались, потрескивая, на белый свет лампы. Он с удивлением обнаружил, что у чечевичной каши появилась новая острота. Мир снова заиграл красками и приобрел вкус.

Печаль последних недель ощущалась до тех пор, пока их старый дом не остался далеко от них. Теперь, думал он, ничто не разлучит его с мамой.

Дом, в который они переехали, сбежав от бабушки, находился отдельно от других домов. Хижины соседей, стоявшие немного поодаль, смотрелись так, будто примыкали друг к другу. Пикей слышал доносившиеся оттуда детский смех и крики.

– Они принадлежат к нашему народу, – сказала мать, погладив его по голове.

– К нашему народу? – спросил он.

– Они происходят из той же касты, что и мы.

Это был первый раз, когда он услышал слово «каста». Однако он понял это так, что дети ничего не имели против того, чтобы поиграть с ним, раз они относятся к одной касте.

– Каста? – переспросил он.

– Да, они относятся к касте пан, как твой отец.

– А ты, мама? – спросил Пикей.

– Я кондх, кутия кондх. Это было для него нечто новое.

За соседними домами располагался винный магазинчик. Наполовину разрушенный, покрашенный в желтый цвет цементный дом с маленьким окошком за жесткой решеткой. Сюда мужчины приходили за алкоголем. Они выкрикивали свои заказы продавцу, стоявшему в темноте за решеткой, и получали большие и маленькие бутылки с пивом и завернутые в коричневую бумагу бутылки с более крепким спиртным. Дорожка к винной лавке шла через кукурузные поля прямо рядом с их домом. С раннего утра и до захода солнца поющие и горланящие мужчины, с налитыми кровью глазами, спотыкались, проходя по тропинке. Существование алкоголя было в новинку для Пикей. Он видел пьяных людей первый раз в жизни. Так кусочек невинного детства оторвался и навсегда остался позади.

Другая узкая тропинка вела от дома к большому водоему. Он любил исследовать новые места, к которым вели дороги, и осмеливался с каждым днем продвинуться все дальше. Но все же он побаивался ходить в сторону алкогольного магазина. Случалось, что мужчины, воняющие перегаром, кричали на него или, удерживая его, болтали вещи, которых он не понимал. У дедушки и бабушки они купались в реке, а в Липтинга Сахи ходили к водоему, покрытому цветками лотоса и полному рыб. Многие деревенские умывались по утрам в этом пруду, который также облюбовали птицы и ловившие в нем рыбу медведи. Из поросшего деревьями земляного вала вокруг пруда мать Пикей выкапывала влажную глину и носила ее в корзине домой. Глину она использовала, чтобы мыть голову, очищать жестяные тарелки, кастрюли и сковородки. «Гравий и глина лучше, чем вода и мыло», – говорила Калабати, считавшая, что нужно покупать в магазине как можно меньше и экономить деньги для более важных вещей в жизни.

Когда тучи первого года прошли мимо и осеннее солнце засияло на небосводе, он начал чувствовать себя дома в своем новом доме. Казалось, будто они жили там всегда.

Он привык очень быстро. Ему всегда удавалось приспособливаться. Много лет спустя он думал: кто не готов изменить свои привычки, переезжая на новое место, тот пойдет ко дну. Однажды мать взяла его на прогулку, чтобы показать ему два дерева на краю деревни. На деревьях жили орел и коршун. Под деревьями мужчины занимались тем, что пытались отрезать мертвым коровам ноги и обработать их кожу, чтобы затем продать ее сапожникам, делавшим из нее сапоги и сумки.

- Вот, - сказала его мать и показала на тащивших коровью кожу к дереву мужчин, - люди, к которым относимся и мы.

- Наши друзья? - спросил он.

- Нет, наша каста.

Это было не совсем так. Мужчины, которые были заняты мертвыми телами животных, были частью семьи, относившейся к гхасси, и жили в деревнях в лесу, за кукурузными полями. По рассказам его матери, они тоже были неприкасаемыми, как и он. Ситуация племени гхасси была ужасной. Брахманы считали их еще более нечистыми, чем пан, поскольку они не только занимались разделыванием мертвых коров, но и - что еще хуже - ели говядину. Брахманы боялись даже их теней, а увидеть гхасси было для брахмана плохим знаком. Однако Калабати знала: положение женщин из гхасси как неприкасаемых менялось после наступления темноты, словно по мановению волшебной палочки. Тогда из близлежащих деревень приходили ритуально чистые и стоящие выше их мужчины, чтобы купить секс у женщин из племени гхасси. Даже брахманы, днем плевавшие в этих женщин, охотно посещали под покровом темноты их дома. Однако об этих позорных событиях в деревне мать Пикей не рассказывала. Она считала, что он должен быть защищен настолько долго, насколько возможно, от знания, как ужасна может быть жизнь неприкасаемых. Во время второго муссона в новой деревне, незадолго до того, как пойти в первый класс, Пикей стоял на маисовом поле и наблюдал, как под серым небом группа мужчин гхасси несла к дереву мертвую корову. Он видел, как они отложили тяжелый труп животного и начали отделять кожу от мяса и мясо от костей. Мухи жужжали над кучей мяса, в то время как коршуны кружили все ниже и кучнее. В конце концов птицы стремглав пикировали к земле, усаживались возле кучи мяса и ждали. Неподвижно, как каменные скульптуры, они сидели там, выказывая своим видом больше терпения, чем жадности. Казалось, коршуны были богами, а вовсе не хищными птицами. Пикей не мог понять, почему они

сразу не начинают есть. Тогда он взглянул на небо. Там все еще кружили две птицы, они самыми последними устремились на землю с такой силой, что казалось, поток воздуха от их крыльев подобен урагану. Пикей мечтал научиться им в этом подражать. Он сделал попытку: побежал вниз по пологой дороге, петлявшей в сторону их дома, вытягивал руки, как крылья, издавал свистящие звуки, словно коршун.

– Мама, если я сяду на спину коршуна, я тоже смогу летать? – спросил он, вернувшись домой. Мать быстро разрушила его мечты о полетах.

– Будь осторожен с коршунами! Они выключат твои глаза! Они ослепят тебя! – ответила она строго.

– Но почему коршуны ждали последнюю птичью пару, прежде чем наброситься на еду?

– Коршуны, – сказала она, – могут думать. Так же, как и люди. У них есть свои король и королева, так же, как у людей. У них есть сыновья и дочери, и они живут в семьях, подобно людям. Когда умирает корова, дозорный коршун сообщает о том, что происходит, королю и королеве. Ни один из коршунов не решится начать еду, прежде чем король коршунов не приземлится и не попробует. Только после этого могут присоединиться остальные, – рассказывала она. – Поэтому коршуны, которых ты видел, так терпеливо ждали. – Она продолжала: – Король и королева – самые красивые среди коршунов. Посмотри в следующий раз, как блестят их перья, подобно золоту на солнце. – Она положила руку на его лоб. – Мир коршунов очень похож на мир людей.

Бабушка Пикей по материнской линии жила одна в маленькой деревушке, в паре километров от их деревни, в джунглях. В сравнении с новым домом семьи ее хижина была еще проще, со стенами из бамбука, глины и соломы, которые часто разрушались во время муссона. Хижину его бабушки окружал сад, в котором росла высокая кукуруза. Когда кукурузные початки поспевали, в сад наведывались дикие звери. Медведь с длинным черным мехом заходил сюда регулярно. Другим голодным гостем была лиса. Наконец бабушке становилось обидно, что ее кукурузный урожай пожирали животные, и она водружала соломенное пугало на куст бамбука. На одну руку пугала она вешала латунный колокольчик, который звенел на ветру. Многих зверей это отпугивало, но не всех.

В тот вечер, когда Хатхи пришел в гости, Пикей и его маленькая сестренка Прамодини были у бабушки. Дети уже спали, когда два взрослых слона и маленький слоненок с такой силой протопали по кукурузной ботве и проглотили кукурузные початки, что земля завибрировала, а хижина начала качаться. Но бабушка не испугалась. Она встала перед хжиной, собрала охапку сухой травы, подожгла ее и стала размахивать перед собой. К сожалению, слоны тоже были не из пугливых. Самый большой слон топнул задней ногой и побежал, фыркая и рыча, прямо на бабушку. Ей пришлось бросить травяной факел и забежать в хижину, захлопнуть деревянную дверь и закрыть ее на засов. Слон бросился всем своим весом на хлипкое жилище, так что глиняные и соломенные стены начали трещать, хрустеть и рассыпаться. Бабушка разбудила внуков, попросила Пикей отойти на шаг назад, посадила маленькую Прамодини на пояс и ударила кулаком в заднюю стену, ведущую в лес. Ей удалось пробить дыру в стене и отправить Пикей перед собой из хижины, через кактусы и заросли терновника. Пикей помнит, что он не чувствовал колючек, впивавшихся в его кожу, поскольку находился словно под наркозом. Кровь сочилась из ссадин и порезов, и ночь была как страшный сон. Они не останавливались до тех пор, пока не иссякли силы. Он уже не мог сообразить, как долго они бежали, побег от слонов казался ему очень быстрым и в то же время бесконечно долгим. Окровавленные и вспотевшие, они присели на ствол дерева, чтобы дождаться наступления утра. Ночь была наполнена комарами, кузнечиками и сверчками.

«Что, если сейчас слоны в ярости бегут следом, чтобы растоптать нас?» – думал Пикей.

В пограничной области между зарослями и камышом на лесных озерах вокруг Бораса жужжали комары и маленькая мошка. Пеночки щебетали на высоких тонах, а пугливые лоси и олени обгладывали ели в столетних лесах. Дождевая вода блестела в следах шин лесных машин на вырубленных холмах. Серый дым поднимался из труб красных летних домиков на полянах. Семья Лотты регулярно ходила в Борасе в церковь. Ее мать выросла в семье, где люди боялись чистилища и на исповеди не решались найти в себе силы сказать священнику о своих грехах. Ее отец ходил на службы, хотя и не был верующим. Впрочем, она до конца не была уверена в его отношении к религии и церкви. Он редко говорил о том, что думал, и ему было не просто принимать участие в жизни дочери. Однако все же были моменты, в которые Лотте казалось, что между ними хорошие отношения. Например, когда они молча сидели рядом, она ощущала глубокую связь между ними. Когда Лотте было восемь, одна ее тетя

заболела во время беременности. Семья молилась, а тете становилось все хуже. Тогда она очень разочаровалась и даже обозлилась на бога, который отказался услышать ее молитвы. Не будучи сильно убежденной верующей, она прошла обряд конфирмации[10 - Конфирма?ция (лат. confirmatio – утверждение) – в латинском обряде католической церкви другое название таинства миропомазания, в ряде протестантских церквей – обряд сознательного исповедания веры.], в основном лишь потому, что все остальные делали это. Влияние родителей и одноклассников было сильным, а пойти своим собственным путем казалось невероятно сложным. Если человек слишком отличается и выпадает из нормы, это может обернуться против него. Лотта не имела особо сильных убеждений, ей было трудно посвятить себя чему-то одному. Она думала, что почти во всем, что отстаивали различные люди, находилось зерно истины, и поэтому не могла быть активной в политике. Как можно быть уверенным, что одна партия права на сто процентов, а другая все делает неправильно? Партийная политика оказалась не для нее. Иногда она напевала песню, которую выучила в три года. В песне говорилось о вечном свете, который светит над всем человеческим образом действий, устремлениями и поступками. Этот свет есть и во мне, думала Лотта. Но это все же был не бог, а нечто иное. Облака плывут по небу, иногда замерзает сердце, но все же там, вверху, мне светит что-то, что меня направляет.

В юности она устремилась в поисках истины на Восток. Она читала Упанишады и трактаты ведических и буддистских священников. Ей казалось, что у старых индуистских книг много общего с Нагорной проповедью из Библии. Однако в христианстве ей не нравилась форма выражения, в которой было больше негативного, чем позитивного. Казалось, что христиане озабочены в первую очередь тем, чтобы проложить границы между другими. Все люди, не важно, верующие или нет, были ведомы одинаковой жизненной энергией. Сердце, думала она, бьется по одной и той же причине, во всех людях одинаково. Все атомы во Вселенной соотносятся друг с другом. Азиатские философы исповедали идею о том, что все люди и животные после смерти перевоплощаются в другие живые существа. Да, так же говорит и буддизм, думала она. Если ты хочешь больше знать о твоём прошлом, поблагодари жизнь, которой ты живешь; если ты хочешь больше знать о твоём будущем, тоже поблагодари жизнь, которой ты сейчас живешь. Жизнь снова выиграет и вновь создастся. Мы все были землей и водой и снова станем землей и водой, думала Лотта, будучи подростком.

Пикей был королем среди неприкасаемых детей деревни. Он собирал камни, которые находил на улицах, – это могли быть плоские, гладкие, светлые камни, – потом брал уголь из печки на кухне и рисовал на камнях рассветы, закаты и заросшие лесом холмы. Пикей быстро становился все более искусным.

Он повел соседских детей с собой на большой пологий утес на реке, попросил их закрыть глаза и торжественно объяснил, что с помощью его магических сил он приманит тигра и сделает так, чтобы тот стоял на камне перед ними. Дети не поверили, но закрыли глаза. Тогда он торопливо нарисовал на камне тигра с широко открытой пастью. Затем Пикей попросил их открыть глаза. Они стояли молча и удивленно смотрели. Он думал, что дети испугаются, как если бы перед ними стоял настоящий тигр, но это была всего лишь сокровенная мечта. Они расхохотались, а Пикей подумал, что как минимум радует людей своими рисунками.

Постепенно он осваивал новые сюжеты и оттачивал технику. Он рисовал перед школой, после школы и все воскресенье. Он находил камни, которые отливали другими цветами, кроме бежевого и серого. Он обнаружил, как можно из листьев и цветов создавать другие цвета, кроме черного. Он научился делать из жидкой глины тарелки. Он расцветчивал их своими узорами и подкрашивал яичным желтком, чтобы сделать более стойкими. Также он рисовал на бумаге, в основном лесные мотивы: листья, цветы, деревья.

Пикей был королем среди неприкасаемых детей деревни.

Каждый камень в радиусе ста метров от его дома был превращен в произведение искусства, его творение. А на полках в доме стояли рядами декорированные тарелки.

Когда один мужчина из семьи пан убил замбара[11 - Индийский замбар – млекопитающее семейства оленевых.], дедушку Пикейя пригласили попробовать его самым первым. На праздники к деду подходили жители деревни с приносящим удачу тигровым мехом и птичьими перьями. Возвышенное положение дедушки наложило отпечаток на Пикейя и придало ему высокий статус среди детей неприкасаемых в деревне. Он гордился своим дедушкой и подражал ему. С луком и стрелами, которые дедушка подарил ему на день рождения, он водил своих товарищей по играм в экспедицию в джунгли. Дети

были, как всегда, голыми, но украшенными павлиньими перьями, ремнями из домиков улиток и браслетами из улиток. Они крались по тропинкам и воображали, будто охотятся на тигров и оленей. Каждый раз, когда они слышали звук белки, взбиравшейся по стволу дерева, или кружившего над вершинами деревьев орла, росло напряжение. Он был их вождем, а кто-то другой в группе – духовным советником вождя. Советник собирал фрукты, низко кланялся и степенно преподносил фрукты вождю. Потом они все бежали, смеясь, к реке, чтобы порыбачить, или в лес, чтобы открыть высоко на деревьях пчелиные ульи. Задачей Пикейя было достать мед. Он карабкался с охапкой сухой травы на дерево, поджигал траву и бросал ее под улей, чтобы выкурить пчел. Во рту он держал шпажку, которую втыкал в гнездо, чтобы охотиться на пчел, оставшихся внутри, несмотря на дым. В этом он был мастер, но все же иногда пчелы переходили к контратаке. Но как бы сильно его ни кусали, он никогда не спускался, не попробовав мед. Одной рукой обвив ствол дерева, он лакомился медом с палочки, при этом мед стекал по щекам на грудь. Он приспособился делать так, чтобы капли меда стекали к остальным. Его «подданные» на земле широко открывали рты и ловили языками сладкие капли, которые падали с неба. Игры в лесу были его самыми прекрасными воспоминаниями детства. Любопытство и ностальгия по приключениям влекли его туда. Лес был полон сюрпризов и тайн, которые, чувствовал он, приоткрылись им лишь ненадолго. Остальное оставалось скрытым и по-прежнему волшебным. Это чувство он бережно хранил. Ему было достаточно понимать только небольшую часть мира. Остальное могло спокойно остаться для него неизведанной территорией.

Индийское общество полно противоречий, часто думал Пикей. Ярким свидетельством противоречий кастовой системы была ситуация с его дедушкой. Работодатели с Запада относились к дедушке с уважением, а для брахманов казалось немислимым принять еду или стакан воды, если он до них дотрагивался. И, конечно, они не пускали его в храм. Люди пан столетия работали ткачами. Однако дед Пикейя нарушил традицию и устроился на офисную работу в Атомолике. Для брахманов он был не больше чем грязь, а британцы обращались с ним достойно. Британцы делали все, чтобы вызвать раздражение брахманов, и выбрали его старшиной деревни, то есть он должен был выступать в качестве посредника, если люди ссорились между собой. Кроме того, он был назначен заместителем начальника колониального ведомства, поскольку брахманы не внушали британцам доверия.

«У брахманов так много табу в отношении еды, у них столь странные правила обращения, что никто не знает, когда они чувствуют себя оскорбленными или польщенными, – это известно только им самим» – так думали британцы о брахманах в Атролике. Эта неприязнь была взаимной. Ортодоксальные брахманы презирали британцев и отнюдь не лестно называли их *beefeaters*[12 - Мясоедами.] (бифитеры).

Пикей думал, что британцы не просто так выбрали его деда, а вовсе никакого не брахмана, чатаем деревни – ведь это статус, который ко многому обязывал. Чатай сообщал колониальным ведомствам о том, кто родился и умер или кто был наказан, поскольку в деревне не было полицейского участка и паспортной службы. Чатай был уполномочен также налагать штрафы. Если закон нарушался, дед Пикей, с ведома британцев, проводил порку своей деревянной тростью. Дед всегда говорил Пикей, что ему нравятся британцы. «Британцы выполняют то, что обещают, они – хорошие люди. В отличие от брахманов они пожимают нам руки и касаются нас», – говорил он. Потом он предупреждал внука: «Держись от брахманов подальше. Если не соблюдать дистанцию, они могут принести несчастье».

Жизнь в школе Дхенканал была похожа на прогулку по пустыне, и цирк, приехавший в город, стал для Пикей отдушиной. Артисты цирка разбили палатки, привязали своих слонов к колышкам и построили луна-парк. В первый же вечер перед колесом обозрения и каруселями выстроилась огромная очередь, ее контролировали мужчины на переоборудованных велосипедах. Ржавые аттракционы поскрипывали, поблескивали и свистели. Луна-парк казался развалюхой, но Пикей пришел в восторг от жужжащих и дребезжащих аттракционов. Больше всего его манила цирковая палатка. Он ходил между фургончиками циркачей, гладил лошадей и знакомился с жонглерами и укротителями львов. С первого момента знакомства Пикей всегда старался дать понять людям, что он неприкасаемый. Он делал это из уважения, чтобы его собеседники сами могли выбирать, держать ли им дистанцию или прогнать его прочь, чтобы не «испачкаться». «Да нам нет до этого никакого дела!» – заявил один из укротителей. «Мы мусульмане и точно знаем, каково тебе приходится, с нами тоже часто обращаются как с неприкасаемыми», – сказал жонглер. Пикей не очень понимал, что они имеют в виду, поскольку еще не знал, что мусульманам в Индии приходится так же тяжело, как и неприкасаемым. Вероятно, мусульмане не относились к кастовой системе, но когда-то давно они были индусами низшей касты, которые, перейдя в другую веру, попытались избежать статуса неприкасаемых. К сожалению, это не помогло. Дискриминация преследовала их. Кастовая система – это все же неизлечимая болезнь, думал он.

Каждый день после школы он отправлялся в цирк. Наконец-то он нашел место, где с ним хорошо обращались! Ему нравились дружелюбие циркачей, их любопытство и способ общения, свободный от предрассудков. Они отвечали на его вопросы и слушали его рассказы. К этому он не привык. Через несколько дней они предложили ему работу. Он подумал: почему бы и нет? Ему было все равно, что пострадает учеба. Таким он был. Он не думал о последствиях и не отклонял хорошие предложения. Он был польщен. В первый раз в жизни его приняли, несмотря на его неприкасаемость. Две недели кряду он таскал сено для зверей и лестницы для палатки. Он писал и рисовал артистам рекламные плакаты. «Становись нашим клоуном и отправляйся с нами в турне!» – предложил ему директор цирка. Да, почему нет? Все равно скоро начинаются летние каникулы, думал Пикей. Став клоуном, он получил длинное полосатое пальто и красный пластиковый нос, ему нужно было выучить пару классических клоунских номеров. Это было несложно. Публика смеялась. Это было легко заслуженное признание. Артисты цирка хвалили его. Но когда директор спросил, хотел бы он отправиться в обширное турне по многим штатам Восточной Индии, он заколебался. У него возникло ощущение, что тут что-то не так. Работа клоуном являлась подтверждением его внеклассового положения. Ведь клоун – неудачник, который пытается получить признание, выставляя себя при этом на посмешище. Он находился среди единомышленников, у него была работа, он даже зарабатывал немного денег, но в то же время ему казалось, что публика – индусы из каст – смеется над ним.

Экзамен в Высшей школе в Хендипаде был его единственным провалом. Он молча сидел на экзамене и не мог ответить почти ни на один вопрос. Экзамен по математике и физике стал катастрофой. Он не понял ничего из того, что сказал ему учитель. «Я неприкасаемый, меня дразнят, и я не могу почти ничего», – думал он, полный жалости к самому себе. Если он не сдаст экзамен, у него не будет будущего. «Тогда мне придется довольствоваться тем, чтобы чистить туалеты в домах богачей, стать ткачом или кирпичным мастером» – это были профессии, предусмотренные для неприкасаемых индусов, которые были не в состоянии изменить свою жизнь. Он спустился вниз к реке, чтобы соединиться с течением и, может быть, оказаться в новом, лучшем мире. Он прыгнул в воду. Сейчас его страданиям придет конец. Его ждет что-то новое. «Что скажет мама?» – успел подумать он, прежде чем его поглотила пучина. И не давая течению увлечь его в бездну, он начал изо всех сил бороться за свою жизнь. Он выплыл на поверхность, добрался до суши и выкарабкался на берег. Затем вновь настойчиво повторил попытку. Прыгнул в воду, снова боролся с течением и всплывал на поверхность. Он прыгнул в третий раз, пошел ко дну и уцепился за большой камень на дне реки. Пришло время прощания с этим миром. Уже не

могло быть никакого «назад».

Но камень ускользнул от него, и Пикей снова всплыл наверх. Промокший до костей, грустный, он отправился домой, лег на пол в спальном зале школы и уставился в потолок. Он прокручивал в голове прошедшие события последнего времени. Как же он ненавидел болтовню учителя, одноклассников, мойщика и повара о predeterminedности роли каждого человека в обществе. В то же время все, что он делал, имело смысл. Ничто не было бессмысленным. Даже его провал на экзамене нес что-то положительное. Во всем был смысл: в чувстве отчужденности, в попытке самоубийства, в камне, который ускользнул от него и сделал попытку его самоубийства провальной. В поисках утешения его мысли устремились к пальмовому листу с его гороскопом. Пророчество. Он думал о женщине, на которой женится, и попытался представить ее с головы до ног. Перед ним в темноте возник образ светлой женщины. Она была красивой, с мягкой улыбкой. Он чувствовал тепло ее тела, и когда закрывал глаза, его словно окружало мерцание света. Он не мог объяснить, почему, но он знал, что этот свет идет от его матери. В этом не было никаких сомнений. Это было так, как если бы она сидела на полу рядом с его циновкой и следила за ним. «Ты знаешь, – сказала она. – Все остальные – глупцы, а ты все делаешь правильно. Однажды ты встретишь женщину, о которой говорится в твоём пророчестве». Даже если жизнь была к нему не совсем благосклонна, он все равно чувствовал сияние света матери, уберегавшее его от шага на другую сторону.

«Как прекрасно, что ты сидишь здесь со мной» – такой была его последняя мысль перед сном этим полным сомнений вечером.

Военные тренировочные лагеря были обязательными для всех мальчиков последнего года начальной школы. Ведь Индия провела две войны с Пакистаном и Китаем. Война могла начаться в любой момент во влажных джунглях, горячих солончаковых пустынях или на ледниках. Даже школьники должны быть готовы принять участие в следующей войне, а ее начало, по мнению многих, было лишь вопросом времени. Летом между девятым и десятым классом в Баулпуре проходил большой молодежный лагерь национального кадетского корпуса. Там собралось больше тысячи школьников со всей Ориссы, чтобы маршировать и учиться стрелять. Они жили в палатках, стоявших на пляжах Брахмина под манговыми деревьями, ветви которых тяжелели от спелых фруктов, время от времени падавших на песок. Упражнения были однообразными и скучными, но Пикей был очарован униформой, фуражками с латунными медальонами и грубыми кожаными сапогами. Ему казалось, что военное обмундирование

придает ему власти. Вместе с двумя другими кадетами его выбрали сторожевым у палаток, чтобы готовить еду, пока остальные маршируют километр у реки. Все время после обеда над деревьями кучились темно-синие дождевые облака. Облака разорвал шквалистый ветер, и вскоре хлынул дождь: зерна града, большие, как у кукурузы, посыпались с неба. Никто не предполагал, что буря налетит так быстро и будет такой сильной. Меньше чем за минуту все палатки сровнялись с землей. В абсолютной темноте, которая только время от времени озарялась бело-синей молнией, Пикей споткнулся и упал в яму. Он выкопал ее несколькими часами ранее с другими мальчиками из лагеря. Когда началась буря, в яму упал еще один товарищ, прямо на него свалилась большая ветка мангового дерева, которую ветер оторвал, словно зубочистку. Другая ветка, чуть поменьше, досталась Пикей, и его пронзила острая боль. Он взглянул вверх и увидел ручеек крови, который образовал лужу и стекал в яму прямо на его одежду. Это была кровь его товарища. Пикей потерял сознание и очнулся лишь через несколько часов на жесткой койке в Дхенканале – над ним ярко светила лампочка. Он сломал ногу, а его друга насмерть придавило большой веткой.

Пришло время новых экзаменов. Когда все казалось совсем безнадежным, наступил переломный момент. Была достигнута точка дна. Память возвратилась. Блокада смягчилась. С горем пополам Пикей сдал экзамен. Все-таки кое-что он понял. Он не был никчемным. У отца забрезжил шанс сделать из Пикей инженера. Это было его мечтой: сияющее будущее для сына и новая Индия, свободная от предрассудков. Инженеры могли бы построить новую страну. Общие знания инженеров могли бы уничтожить накопленные мифы священников. Отец уговаривал сына подать заявление в колледж естественных наук. Пикей согласился, подал заявление, его приняли, и следующей осенью он начал учебу в новой школе. Но вскоре потерял интерес к обучению и проводил занятия в первом семестре, рисуя карикатуры на учителей. Однажды его рисунки попали в руки учителю математики. «У неприкасаемых нет мозгов!» – вскипел он и выгнал Пикей из класса. У Пикей не осталось сомнений. Он знал, чего хотел, и это было совсем не то, чем он занимался. Нацию должны строить другие. Он ненавидел естественные науки. Учитель, который наорал на него и выгнал из класса, подошел к нему на следующий день на школьном дворе и дал хороший совет: «Прадьюмна Кумар, здесь так дело не пойдет!» – сказал он.

– Но что мне тогда делать?

– Подай заявку в школу искусств!

Он последовал совету учителя, разрушил инженерные планы отца и сбежал из школы с 55 рупиями в кармане. Сперва он не знал, куда ему направиться, но потом ему в голову пришел Центр Бхима Бхои в Кхалиапали, находившийся в двух часах езды на автобусе от его дома. Пикей знал, что монахи, проводившие дни за пением и медитацией, принимают заблудшие души. Его приняли с распростертыми объятиями, выдали циновку, еду и пригласили на собрания в аудиторию. Преисполненный чувством, что в этой обители все преследуют общую цель, он сидел бок о бок с поющими монахами, которые расположились на кусках коровьих шкур прямо на полу в чем мать родила. Пикей восхитила фигура основателя движения Бхима Бхои. Монахи рассказали ему, что Бхима Бхои был местным сиротой, отрицавшим кастовые иерархии, классовые различия и презиравшим лицемерных брахманов, поэтому он основал секту, у которой вскоре появилось много последователей. Монахи воспевали своего гуру и читали стихотворения о справедливом обществе, где люди не были разделены на группы, конфликтующие между собой. Это оказалось утешением для Пикей. Здесь он был среди подобных себе, и монахи имели такие же представления о брахманах, как и он. Но все же он не мог посвятить остаток своей жизни медитации. Он не мог стать монахом, пока не попробовал саму жизнь. Он хотел жениться, это, в конце концов, предсказывало ему пророчество, и он хотел увидеть мир, больший, чем Атмолик.

«У неприкасаемых нет мозгов!»

Он прервал свою медитацию и отправился зайцем на поезде на север, в Западную Бенгалию. В битком набитом вагоне поезда, который, поскрипывая, вез его к новой жизни, он думал о ректоре, описывавшем поезд как большую змею из железа и стали. Он вспоминал о картинках, возникавших тогда в его голове: о пути в виде улицы из массивного железа и людях, которые сидят верхом на змее-поезде, ползущей сквозь лес. Он посмеялся над своей глупостью. Сколько же всего он понимал неправильно! Его следующей целью была Кала Бхавана, школа искусств в знаменитом месте Сантиникетан, здесь находился университет, основанный национальным поэтом Рабиндранатом Тагором, это он запомнил в школе. Он разместился в общежитии при школе, заплатив всего лишь рупию, это он мог себе позволить. Но мечта посещать здесь курс все же казалась недостижимой. Ежемесячная плата за школу оказалась слишком высокой, и он не осмеливался написать своему отцу, чтобы попросить денег. Зато он получил направление в академию искусств в Кхалликоте, дома, в Ориссе, это была школа для студентов из малообеспеченных семей. Полный

новых надежд, он поехал зайцем на поезде на юг и приехал в школу искусств, которая располагалась между высокими горами и большим озером Хилика в старом колониальном доме с мраморным полом и железным забором. Из-за бесплатного обучения эта школа была чрезвычайно популярной. Конкуренция оказалась жесткой. Он стал одним из ста желающих на 33 места, свободных на тот момент. Для отбора участникам требовалось показать их мастерство владения кисточкой, угольным карандашом и карандашом. Они сидели в большом кругу во дворе и рисовали натюрморт. Кувшин, виноград и три манго. Пикей украдкой смотрел на рисунки других и чувствовал свое превосходство. На следующий день, после того, как учитель просмотрел работы, были представлены лучшие. Преподаватели назвали счастливцев. Он был в их числе. Кроме того, всех прошедших отбор включили в рейтинг в соответствии с их мастерством. Пикей шел под номером 1. В художественной школе в Кхалликоте он никому не рассказывал, что он неприкасаемый, и его никто об этом не спрашивал. Студенты и преподаватели были родом из разных частей страны. Они заботились обо всех, как будто не существовало каст и классовых различий. Это было новое сильное ощущение. Будто здесь была другая Индия, которая напоминала о странствующих мусульманских циркачах. Другая жизнь была возможной. Год в Кхалликоте был увенчан многими успехами. Преподаватели считали его талантливым и побудили его в начале года подать на стипендию в художественную школу в Нью-Дели. Он подал заявку, и во время летнего муссона с его грозами и молниями ему пришел ответ в коричневом конверте, который руководитель почты Шридхар неторопливо принес домой Калабати, разрезавшей его и снова передавшей мужу, чтобы он прочитал его.

- Ты получил стипендию, - сказала мать, когда Пикей позвонил домой. Земля начала уходить из-под ног.

- Ты переедешь в столицу, - сказала она и заплакала.

Отец отказался от инженерных планов и поздравил его. Мать плакала и три дня соблюдала пост перед его отъездом в столицу. В ней боролись противоречивые чувства: «Это очень печально, что он отправится так далеко», - думала она, но при этом гордилась им. С гордостью Калабати сообщила соседским женщинам: «Мой сын поедет на автобусе и поезде, а потом полетит на серебряной птице в город, который находится по ту сторону джунглей, по ту сторону гор и по ту сторону всего, что вы до сих пор видели».

Превращение

Позднее лето, подгнившие опавшие фрукты и муссон. Пришло время уезжать в Нью-Дели. Пикей встал на колени и коснулся рукой материнских ног. Она заплакала. Он поднялся, борясь со слезами, обнял ее, запрыгнул на тележку и попросил кучера ехать прочь. Бык встряхнул головой, отогнав мух, и неторопливо зашагал по ухабистой дороге из гальки, таща за собой скрипучую повозку. Пикей задумался о гороскопе и пророчестве астрологов. На следующее утро поезд прибыл в Бхубанесвар, столицу штата Орисса, встретившую его избытком впечатлений. Широкие, совершенно прямые бульвары с дорожными полицейскими в белой форме на перекрестках. Ряды дипломатических автомобилей с мужчинами в хорошо отглаженных белых хлопчатобумажных костюмах на задних сиденьях. Старинные храмы из песчаника, окруженные хорошо ухоженными садами. Базары, на которых текли рекой товары из щедро заполненных магазинчиков, их широко открытые двери выходили прямо на улицу. Восхитительные запахи еды доносились из ресторанов. Коровы трусили между сигналищими велосипедистами и авторикшами на краю дороги. А вечером из храма, высоких стеклянных домов и витрин магазинов лился свет. Такое сверкающее зрелище, такой энергичный мир. Как же тогда будет сиять Нью-Дели?!

Ему было 22, или 21, или даже 20 лет – он не знал сам, и его мама, которая была неграмотной, тоже не знала точно. В его семье не было принято отмечать дни рождения. Но это был 1971 год, как значилось в календаре, висевшем на школьной стене, и на первых страницах газет, которые можно было купить на вокзале. Его жизнь в деревне меняла свой характер: беззаботная радость детства сменилась мыслями об одиночестве неприкасаемого. Сейчас он познал чувство свободы. Все – дома, улицы, жизнь людей, парки, храм, голоса продавцов – казалось ему мечтой о лучшем мире. Путь на «Уткал экспресс»[13 - Уткал экспресс – класс поездов железнодорожной сети в Индии, соединяющий два религиозных центра – Хардвар и Пури.] от Бхубанесвара до Нью-Дели, согласно расписанию, занимал два с половиной дня, но когда они приехали на столичный вокзал, поезд пришел более чем с восьмичасовым опозданием. Человек на нижней полке лишь пожал плечами, когда Пикей спросил его, что произошло. «Лучше спросите, чего не произошло. Мы должны радоваться, что вообще сюда доехали, и нас не должно тревожить уже произошедшее. Что ты хочешь изменить?» Конечно, он попытается радоваться будущему вместо того, чтобы думать о настоящем. Он будет очень рад, что больше не в деревне, где его вечно унижали, а в столице, где мечты становятся реальностью, а амбиции

могут осуществиться. В первую ночь в своем новом прекрасном мире Пикей спал глубоко и без снов на пятом этаже государственной гостиницы. Протерев утром глаза и выглянув в окно в коридоре, он ощутил холодок страха. Он уснул с сумасшедшими планами, преисполненный мужества, а проснулся с предательским дрожанием в груди. Ему захотелось вновь очутиться в привычном месте, в кровати, в деревне в Ориссе, вернуться к своей семье. Пикей смотрел вдаль: широкие улицы с темным гладким асфальтом и белыми автомобилями округлых форм, автобусы с погнутыми боками от толчков в плотном движении, грузовики всех цветов радуги, черные и желтые рикши на мопедах, скопление мотоциклов, и на всем этом фоне – огромные строения из бетона, стали и стекла, которые сверкают под палящим сентябрьским солнцем.

– Буду ли я когда-то чувствовать себя здесь дома? – спросил он, отчаявшись.

Он уже засомневался, что вообще осмелится выйти из дома. Кроме того, Пикей побаивался, что его будут с трудом понимать. Ведь он говорил на орийском, своем родном языке, и на английском, который учил в школе. Но не все говорили на английском. В столице Индии все разговаривали в основном на хинди, он учил его в средней школе, но не вполне уверенно им владел. *Mai Orissa se ho*. Я из Ориссы. *Mai tik ho*. У меня все хорошо. Пикей боялся, что если с ним заговорят на хинди, он будет лепетать что-то непонятное и нарвется на грубость...

Он провел пальцем по карте между гостиницей и школой искусств и отправился туда на прогулку. Школа находилась далеко. Он не знал, как правильно садиться в автобус. А если он поедет в другом направлении? А если не сможет вернуться? А если на него нападут или обманут? Если жители столицы узнают, как он растерян и не уверен в себе и какую старомодную одежду носит – не высмеют ли его за это?

В первую неделю Пикей ходил до школы и обратно пешком, чтобы не пришлось узнавать, какой автобус верный. Потом решил все-таки поехать на автобусе. Однако когда он пришел на автобусную остановку, то испугался что-либо предпринять. С треском, сильным боковым креном, густым черным дымом из выхлопной трубы и с гроздьями висящих в дверных проемах пассажиров автобусы Делийской транспортной корпорации проезжали без остановок мимо. Автобусы не стояли на автобусных остановках, как это происходило в Ориссе, а лишь притормаживали, чтобы он или другие ожидающие могли запрыгнуть. У него получилось вскочить в автобус и даже отодвинуться от опасного дверного проема. Однако, проехав довольно долго, стиснутый толпой пахнущих потом

людей, он обнаружил, что высокие дома и маленькие глиняные домики остались позади. Пикей увидел поля и лесочки. Ему стало ясно, что этот автобус не идет в школу. Вот и произошло то, чего он больше всего боялся: он поехал в неправильном направлении. Он выпрыгнул на следующей остановке, перешел на другую сторону улицы и поднял высоко большой палец, чтобы кто-нибудь захватил его по пути в город.

На следующий день Пикей снова маршировал пешком к школе. Чем больше он проходил по широким бульварам мимо всех этих больших домов и огромных ронделл[14 - Ронделла - в архитектуре крепостей XV-XVI вв. - круглая или полукруглая башня в углах крепостных стен.], тем меньше страха вызывал у него Нью-Дели. Опасное и незнакомое стало казаться ему уже привычным. Он испытал облегчение. Здесь была свобода. Здесь Пикей не был неприкасаемым мальчиком племени пан, сыном Шридхара Маханандиа, неприкасаемого почтальона в Атолике, и Калабати Маханандиа, темной женщины из коренного народа. Здесь вообще никто не слышал об Атолике и никому не было до этого дела. Здесь никто не знал, что означает родиться паном или кутиа кондхом и где они находятся в кастовой иерархии. Здесь вообще никто не спрашивал, кто к какой касте относится. В Колледже искусств Дели преподаватели слыли современными и радикальными. Они выступали против особого обращения с людьми из-за деления на касты. Здесь он мог сидеть точно так же, как в школе искусств в Кхалликоте, вместе с остальным классом в классной комнате. Школьники из высших каст сидели рядом с такими же из низших каст, и Пикей слышал от многих учителей, что кастовая система - это порок, с которым нужно бороться. Они говорили об этом всему классу, громко и гордо, почти с пафосом, словно хотели призвать молодых людей освободиться от всего старого. Пикей даже разрешили есть вместе с остальными. Это казалось революционным. В той же столовой, за тем же столом, из тех же тарелок. Никто не отклонялся, когда он сидел слишком близко, и никто не боялся его близости или его прикосновения. По вечерам он шел легким шагом домой. Нью-Дели, столица, казалась ему его будущим. Стипендию штата Орисса должны были выплачивать один раз в месяц, ее хватало на оплату школы, материалы, книги, оплату аренды в гостинице и еду. Все же через несколько месяцев у него не осталось денег. 50 рупий, которые ежемесячно присылал ему отец, хватало всего на пару дней. По слухам, служащая в бюро по выплате государственных стипендий складывала деньги в собственный карман. Когда он подошел к окну, чтобы получить перевод, он услышал: «Сожалею, денег нет. Приходите снова через месяц, посмотрим, что можно сделать».

Первый год в высшей школе искусств, который так хорошо начался, был годом нехватки денег, голода и забот о том, где переночевать. Первые три месяца он жил у разных коллег по учебе, но все же не хотел злоупотреблять их гостеприимством. Поэтому он стал ходить на вокзал Нью-Дели, где спал вместе с поденными рабочими, инвалидами, бездомными и семьями из деревень, ожидающими свои утренние поезда. В вокзальной толпе соседствовали завернутые в одеяла спящие с большими чемоданами из сверкающего металла, джутовыми мешками с семенами и стеблями, молочными кувшинами, посудой, а иногда с парой коз. На вокзале было теплее и красивее, чем снаружи, на тротуаре. В столице ночи были не такими теплыми, как дома, в деревне, напротив, они часто бывали холодными от влажности. На вокзале Пикей мог мыться в общественных туалетах, чтобы идти на учебу без запаха пота. В некоторые вечера у него не получалось проходить весь путь до вокзала. Тогда он заползал в телефонную будку и засыпал там.

Всегда находился кто-то, кто задавал ему вопрос, не голоден ли он, и брал его с собой на улицу, чтобы угостить чем-то вкусным: жаренной во фритюре самсой, пакорой[15 - Пакора – традиционное блюдо индийской кухни. Широко известно не только в Индии, но и в других азиатских странах. Представляет собой овощи в тесте (кляре), обжаренные до хрустящей корочки и несравненно нежные внутри.], сваренным в пряном травяном бульоне нутом[16 - Нут – бобовое растение, из которого готовят такие блюда, как хумус и фалафель.] и картофелем, который подавали в маленьких мисках из высушенных листьев. В общем, любой едой, которую на разнос продавали торговцы с жестяных тележек на улице. Пикей больше не мог позволить себе холст и масляные краски, так что ему приходилось довольствоваться тонкой хлипкой калькой, коричневой упаковочной бумагой и черными чернилами, купленными за пару пайсов[17 - Па?йса – разменная монета в Индии, Пакистане, Непале и Бангладеш. Является сотой частью рупии.] на узкой улочке за Коннот-Плейс. Он начал рисовать людей, страдавших от голода, это было экспрессивное изображение бедности, приводившее в ужас любого, кому он показывал эти рисунки. Тема голода была важна для Пикей. Он полагал, что карандашные штрихи выражали чувства, которые порождал голод, давая тем самым голос многим сотням голодающих людей во всем мире. Рисование страданий смягчало голод, принося с собой моменты внутреннего покоя. Полгода Пикей не мог оплачивать учебу, и по истечении этого срока его исключили из числа студентов. Он перестал посещать занятия, потому как больше не видел в них смысла. Даже несмотря на то, что большинство педагогов разрешало ему и дальше присутствовать на своих занятиях. Он перестал рисовать. У него были дела поважнее, например проводить дни в поисках еды.

Спустя четыре голодных дня его желудок начали мучить спазмы. У него было чувство, будто живот внезапно туго перетянули веревкой. Резкая боль длилась пару минут, а затем вновь переходила в привычное и давно знакомое чувство голода. Настроение постоянно менялось, он чувствовал себя то безвольным и подавленным, то снова активным и полным энергии. В периоды активности он мечтал о еде. Он представлял, как кусает свежее испеченный чапати и ест из большой плоской панир[18 - Панир – традиционный домашний индийский сыр.] и цветную капусту с плотным сытным соусом. Пикей бесцельно бродил по городу в поисках какой-нибудь еды. Во время одного из самых тяжелых голодных скитаний он очутился на Фероз-Шах-Роуд, в фешенебельном правительственном квартале, где ощутил сильный аромат еды. Он потерял над собой контроль. Ворота забора таунхауса были распахнуты. Он заглянул внутрь. В саду были разбиты праздничные палатки, а под ними – длинные столы с красными скатертями. Официанты в белых тюрбанах и фирменных голубых жакетах сновали туда-сюда с полными подносами стаканов с позолоченными каемками. Музыканты в темно-синих костюмах, расшитых сверкающими витиеватыми узорами, играли на поблескивающих медью музыкальных инструментах. На самом деле Пикей был слишком осторожным, чтобы сделать что-то запрещенное, что-то, за что его могли бы наказать, но голод пересилил его осторожность. На этот раз он не стал медлить. Он вошел в сад, где проходило свадебное торжество для сотен гостей: они сновали из стороны в сторону, общались друг с другом и угощались в буфете. На блюдах из нержавеющей стали он увидел мясо ягненка со шпинатом, белый овечий сыр с красным соусом чили, куриные окорочка с соусом из перечной мяты, запеченные в тандыре, золотистую самсу, масалу[19 - Масала – это оригинальная смесь пряностей, которая входит в состав большинства блюд национальной кухни Индии, Непала и Тибета.] из нута в йогуртовом соусе, запеканку из картофеля и цветной капусты с тмином и листьями кинзы, чапати, наан[20 - Наан – пшеничная лепешка, блюдо индийской национальной кухни.], пакоры.

Желудочные спазмы регулярно возвращались. Пикей поставил все на карту, взял тарелку и нагреб в нее настолько много еды, насколько это было возможно. Он хотел встать неподалеку от выхода и поесть. И хотя он изо всех сил старался владеть собой, все же ему не удалось ничего другого, как с жадностью изголодавшегося пса накинуться на еду. Он боялся, что его обнаружат, поэтому глядел по сторонам, не смотрит ли кто-то на него, но ответных взглядов не встречал. Все были заняты собой. Когда тарелка опустела, а желудок наполнился, он начал прокрадываться к выходу. Когда до выхода оставалось не больше трех шагов, кто-то властно хлопнул его по плечу. Пикей оцепенел, его

захлестнула волна паники. Он подумал, что сейчас его отправят напрямик в полицейский участок, а оттуда вышлют обратно в Ориссу, где его ждут лишь стыд и унижение. Словно сквозь сон он услышал голос – близко, но в то же время издалека: «Кофе или чай, сэръ?» Он обернулся и увидел официанта в жилете с золотой каймой и белом тюрбане, который пристально смотрел на него. Поначалу Пикей никак не мог понять, что сказал ему этот мужчина. Но это совершенно точно были не слова полицейского. Нет, его спросили, не хочет ли он кофе или чая. Он почувствовал, как радость наполняет его нутро, он вежливо, но быстро отказался от предложения, сделал пару сдержанных и спокойных шагов в сторону, пока не убедился, что за ним никто не наблюдает, а затем бросился бежать между припаркованными автомобилями с дипломатическими номерами и моторикшами напрямик вглубь улицы, окаймлявшей сад.

Пикей бежал до самого Манди-Хаус, а затем, тяжело дыша, побрел к Коннот-Плейс. Когда он очутился перед Индийском домом кофе, то остановился, чтобы перевести дух. Он сделал глубокий вдох и улыбнулся – боль в желудке исчезла.

У него были дела поважнее, например проводить дни в поисках еды.

Но голод вскоре вернулся, а вместе с ним – лихорадка и истощение. В некоторые дни он не ел ничего, кроме ягод яму, растущих на деревьях вдоль Парламент-стрит. Осенью, сразу после муссона, на ветвях деревьев появлялись синелиловые ягоды. Когда никто их не собирал, они падали на землю, оставляя множество синих точек. Сладкие ягоды придавали ему бодрость. Воду он пил из уличных кранов. В конце концов, из-за болезни желудка он не мог больше удерживать в себе даже ту еду, которую ему с трудом удавалось раздобыть. Голод стал перманентным чувством. Он сильно исхудал, у него появился синдром туннельного зрения[21 - Туннельное зрение – болезненное состояние зрения, при котором человек теряет способность к периферическому обзору. Воспринимается лишь изображение, попадающее на центральную область сетчатки глаза.]. Все, абсолютно все на свете вертелось вокруг одного – раздобыть еду.

Наступила осень, а за ней – зима, когда температура воздуха ночью поднималась лишь немного выше нуля. Он ночевал под мостом Минто – красным железнодорожным мостом вблизи Коннот-Плейс. Греться приходилось возле костра из горящей листвы. У него больше не осталось друзей, он чувствовал, как

апатия овладевает им. Настал момент, когда он больше не мог ходить в кафе и рисовать людей, вместо этого он писал письма своему отцу с просьбой выслать ему денег. Позже, когда пора экзаменов осталась позади, он задавался вопросом, достигли ли эти письма своей цели, потому что спасение в этом случае должно было прийти гораздо раньше.

Пришла весна, вместе с ней вернулось тепло, затем наступило лето, принеся с собой зной. Температура в Дели приближалась к 45 градусам, асфальт пузырился от жары, с восхода до заката улицы были пусты. Ему было плохо, его мучили постоянные боли в желудке, в очередной раз он стал думать о самоубийстве. Дели, Индия, весь мир! Все сильнее он убеждался в том, что ему нигде нет места. Бедный, отверженный, никем не желанный и ненужный. «Я – ошибка», – думал он. Уже давно пора было положить конец этой боли.

На трясущихся ногах Пикей, словно в трансе, добрал до берега реки Джамна. Оказавшись в воде, он надеялся, что больше никогда не всплывет на поверхность. Но на полпути ко дну, в толще коричневой грязной воды, он поймал себя на мысли, что всеми силами старается всплыть на поверхность и глотнуть воздуха. Так же, как и в прошлый раз. Тело отказывалось подчиняться бессознательным мыслям. Его руками и ногами словно управляла какая-то другая сила, которая и не собиралась сдаваться. Он с трудом выволок свое тело на берег и, мокрый до нитки, направился по плавящимся от жары улицам к железнодорожным путям. Он принял решение положить голову на рельсы и лежать так в ожидании поезда. Но полуденное солнце настолько раскалило рельсы, что он отскочил от горячего железа, едва лишь прикоснувшись к нему. На коже остался ожог, причинявший такую боль, что лежать на рельсах в ожидании поезда было просто невозможно.

Тогда Пикей уселся рядом с путями. «Я брошусь под поезд, когда тот будет подходить», – подумал он. Лишь два шага, и все закончится. Есть ли какой-то простой способ покинуть этот мир? Шли часы, но поезда все не было. Да что там произошло? В сумерках он увидел мужчину, идущего вдоль путей. Пикей спросил его, куда делись все поезда. «Я – машинист», – ответил мужчина. «И почему ты тогда не едешь на поезде?» – спросил Пикей. «Ты что, газет не читаешь?» – «Нет». – «У нас забастовка». – «Забастовка?» – «Давай, не сиди тут. Иди домой к жене!» – «Нет у меня ни дома, ни жены, а живот сводит от голода. Зачем я, по-твоему, сижу тут?» Машинист лишь пожал плечами и пошел прочь. Некоторое время спустя появился полицейский. «Проваливай, пока я тебя не кинул за решетку!» – крикнул он и пригрозил своей дубинкой.

«Я – ошибка», – думал он.

На следующий день к нему в руки попал номер индийской «Таймс». «Забастовка работников железной дороги, – прочел он, – была инициирована Джорджем Фернандесом, руководителем профсоюза железнодорожников. Вдобавок к этому Фернандес призвал присоединиться к забастовке представителей других трудовых объединений, чтобы выразить поддержку машинистам. Всего бастовало 17 миллионов индийцев. Протесты были направлены против инфляции, коррупции, дефицита продуктов питания и, прежде всего, против правительства Индиры Ганди». Один из журналистов писал, что эта забастовка, возможно, самая крупная за всю историю человечества. «Видимо, не я один нахожусь на пределе сил, – думал он, – но и вся Индия стоит перед лицом коллапса. Видимо, это и есть причина, благодаря которой мне не суждено было вчера проститься с жизнью, крупнейшая забастовка в истории человечества!» Недовольство железнодорожников условиями труда уберегло его от самоубийства. Какая великолепная взаимосвязь! Ему просто не дано было умереть. У некой высшей силы определенно были планы на его жизнь. «Этим нельзя пренебрегать», – подумал он. Не может быть простым совпадением тот факт, что все его попытки покончить с жизнью оканчивались провалом. Ему следовало сконцентрироваться на этом пророчестве. Что оно означает? Речь шла о девушке-иностранке. Пикей думал о девушке из Англии со светлой гладкой кожей и в платье с цветочным узором, которая ходила с ним в один класс. С этого момента мысли о девушке все чаще всплывали в его голове – это была его судьба. Мысль о том, что она внезапно возникает перед ним, стала занимать все больше места в его голове.

Спасением от голода и фантазий для Пикей стал новый друг. После знакомства с Нарендрой он снова стал изредка посещать занятия в Колледже искусств Нью-Дели. Они вместе ходили в Индийский дом кофе, куда Нарендра приглашал его на чай. «Может быть, ты хочешь что-нибудь съесть?» – предложил Пикей. Нарендра изучал медицину и принадлежал к касте неприкасаемых. Он так же, как и Пикей, переехал в Дели и был здесь одинок. В медицинский колледж он попал по квоте для неприкасаемых и учился хорошо, гораздо лучше, чем многие из брахманов, которые избегали контактов с ним. В первый же день знакомства Пикей рассказал Нарендре обо всех своих тяготах и невзгодах, о голоде и об отчаянии, которые он пережил за последнее время. Нарендра утешил его и дал немного денег, чтобы Пикей мог регулярно питаться чем-то, кроме ягод и найденных объедков. Спустя две недели лихорадка, мучившая Пикей уже долгое

время, отступила. «Скорее всего, у тебя был шигеллез[22 - Шигеллез (бактериальная дизентерия, Shigellosis, dysenterya) – острая инфекционная болезнь, вызываемая бактериями рода Shigella.], это отвратительные сальмонеллы, их еще называют „дели-белли“ или „делийская диарея“», – сказал Нарендра. «Но как мне тогда удалось вылечиться?» – «Человек способен вылечиться самостоятельно, если будет регулярно питаться и ухаживать за собой». Еще шаг в сторону пропасти, еще неделя на ягодах и грязной воде, и болезнь убила бы его. После встречи с Нарендрой ему вновь стали начислять стипендию, которой он не видел уже давно. Счастье пришло не одно. Отец Пикея ответил на его письма и извинился за то, что и не подозревал, насколько все серьезно. К первому за долгие месяцы письму он приложил чек на сто рупий, которых, при должной экономии, должно было хватить на еду в течение недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25097173&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

Ория – индоевропейский язык, на котором говорят около 35 миллионов жителей индийского штата Орисса. Он является одним из 23 официально признанных языков Индии и имеет собственное письмо. (Здесь и далее примечания редактора.)

2

Неприкасаемые касты.

3

Ситар – многострунный музыкальный инструмент, используемый для исполнения индийской классической музыки, относящийся к группе струнных щипковых музыкальных инструментов.

4

Бурфи – это индийская сладость, которая представляет собой молочную помадку.

5

Гулабджамун – традиционное блюдо индийской кулинарии. Сладкие шарики из сухого молока в сиропе.

6

Тулasi (тулси) – это растение, которое в Индии называют священным базиликом, которое даже сейчас в том или ином виде находится в каждом доме, поскольку Тулasi-деви символизирует божество, означающее преданность и чистоту. Само растение посвящается божеству Вишну и является его проявлением.

7

Ним (ниим) – вечнозелёное дерево высотой 12–18 м с раскидистой кроной. В Индии растение известно как «деревенская аптека», «божественное дерево» и «панацея от всех болезней».

8

Наксалиты – неофициальное название вооруженных коммунистических, преимущественно маоистских, группировок в Индии. Название происходит от местности, где произошли первые выступления.

9

Чапати – хлеб из пшеничной муки, наподобие тонкого лаваша.

10

Конфирма?ция (лат. confirmatio – утверждение) – в латинском обряде католической церкви другое название таинства миропомазания, в ряде протестантских церквей – обряд сознательного исповедания веры.

11

Индийский замбар – млекопитающее семейства оленевых.

12

Мясоедами.

13

Уткал экспресс – класс поездов железнодорожной сети в Индии, соединяющий два религиозных центра – Хардвар и Пури.

14

Ронделла – в архитектуре крепостей XV–XVI вв. – круглая или полукруглая башня в углах крепостных стен.

15

Пакора – традиционное блюдо индийской кухни. Широко известно не только в Индии, но и в других азиатских странах. Представляет собой овощи в тесте (кляре), обжаренные до хрустящей корочки и несравненно нежные внутри.

16

Нут – бобовое растение, из которого готовят такие блюда, как хумус и фалафель.

17

Па́йса – разменная монета в Индии, Пакистане, Непале и Бангладеш. Является сотой частью рупии.

18

Панир – традиционный домашний индийский сыр.

19

Масала – это оригинальная смесь пряностей, которая входит в состав большинства блюд национальной кухни Индии, Непала и Тибета.

20

Наан – пшеничная лепешка, блюдо индийской национальной кухни.

21

Туннельное зрение – болезненное состояние зрения, при котором человек теряет способность к периферическому обзору. Воспринимается лишь изображение, попадающее на центральную область сетчатки глаза.

22

Шигеллез (бактериальная дизентерия, Shigellosis, dysenterya) – острая инфекционная болезнь, вызываемая бактериями рода Shigella.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/per-andersson/neveroyatnaya-istoriya-indiyca-kotoryy-poehal-iz-indii-v-evropu-za-lyubovyu-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)